

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
П68

Правдин, Дмитрий
П68 Байки бывалого хирурга. / Дмитрий Правдин. — Москва:
Издательство АСТ, 2020. — 384 с. — (Научно-популярная
медицина).

ISBN 978-5-17-122863-7

Только самые страшные, откровенные и увлекательные байки от бывалого хирурга. Неадекватные пациенты, их родственники, коррумпированные коллеги, равнодушный медперсонал — со всем этим приходилось сталкиваться любому врачу, да и пациенту тоже. Вся изнанка нашей медицины глазами много повидавшего, но не ставшего равнодушным врача. Читая эту книгу, помните, не всякая байка — выдумка.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-122863-7

© Правдин, Д, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ОДНИ СУТКИ ХИРУРГА ДЕНИСОВА

Негромко стукнула входная дверь во второй парадной трехэтажного дома дореволюционной постройки. То Денисов, не торопясь, вышел наружу. Он рефлекторно поежился, попав из теплого помещения на колючий мороз, и привычно задрал голову. Там, в вышине, сквозь серую пелену зимнего неба тускло блеснула одинокая луна и через мгновение скрылась, потонув в толще огромного лохматого облака, лениво плывущего в ночной мгле. Облако вытряхнуло на Денисова не особо густой поток крупных мягких снежинок. И, не обращая на него никакого внимания, потянулось дальше на юг, увлекая за собой остальных своих собратьев, похожих с земли на огромные комки серой ваты, что пристроились к нему сзади. Стряхнув с мокрых волос пушистый снежок, Денисов отчаянно зевнул, по привычке прикрыв рот рукой, натянул на не успевшую просохнуть после утреннего душа голову капюшон и, поправив ремень черной сумки, висевшей на левом плече болоньевой куртки, нехотя вошел под широкую арку, ведущую на улицу.

До метро от его дома, если топать дворами, то минут десять прогулочным шагом. Фонари горят исправно, дорога знакома, ноги четко печатают шаг на свежем снежке. Воздух чист и прохладен. Ветра почти нет. Так, легкое колебание воздушных масс. Город еще спит. А вместе с ним спят дома, деревья, машины и люди. Коты вот чего-то не спят. Вон один такой весь из себя

рыжий и упитанный котяра, воровато озираясь, вылез из-под ворот, перекрывающих арку соседнего дома, и не спеша, мягко переставляя пушистые лапки, потрусил вдоль окон первого этажа в противоположном направлении. Чего ему надо? Что заставило явно небедствующего котика путешествовать по заснеженной улице в столь ранний час? Не найдя ответа, Денисов проводил его любовным взглядом и машинально посмотрел на ручные часы: семь двадцать. Последний раз, взглянув на уже едва различимого в редеющей темноте барсика, двинул дальше.

Несмотря на ранее утро выходного дня в метро оказалось многолюдно. Хорошо, что Денисов заранее позаботился о жетонах, иначе бы сейчас потерял уйму времени. У него все распланировано по минутам. Вот он прошел турникет. Вот спустился по эскалатору вниз и успел попасть на подъехавший электропоезд. Народу битком, но по ходу движения вагон скоро освободится. От метро «Автово» до «Девяткино» ехать ровно сорок минут. Основная масса пассажиров схлынет на «Площади Восстания», и тогда можно будет спокойно сесть на освободившееся место и дочитать последний том из четырехтомника Сергея Довлатова.

Пока Денисов на автопилоте проделал весь путь от дома до электропоезда, то окончательно проснулся. Утренняя подземная суэта не дает расслабляться и невольно настраивает на рабочий лад. В восемь десять он заложил закладку в книгу, убрал ее в сумку и, не торопясь, проследовал на привокзальную площадь метро «Девяткино». Оттуда отходили маршрутки до нужного места.

Так уж получилось, что Денисов влез в ипотеку. Не хотел, а пришлось. Развод с женой, после четверти века брака, — штука сложная. Поэтому, работая в хирургическом отделении питерской больницы почти не колеб-

лясь, согласился на предложение друга подработать в ближайшем пригороде. Свободное время уменьшилось, зато увеличилось количество дежурств. Понятно, что всех денег не заработать. Тем более в медицине, в нашей российской медицине. Но, кроме меркантильных, были и другие интересы.

Его всегда влекла экстренная хирургия со своей непредсказуемостью и адреналином. А последние лет пять Денисов занимался исключительно планом. Где нет бессонных ночей и ...подвига. Вот и решил он вспомнить молодость, да тряхнуть стариной. Подвигов, знаете, захотелось.

Больница, куда ехал на дежурство Денисов, отстояла от Питера всего на пятнадцать километров. Но относилась к сельской местности и обслуживала население близлежащих населенных пунктов. Проще говоря, сильно напоминала ту отдаленную ЦРБ, где он когда-то начинал работать сразу после окончания интернатуры.

В салоне маршрутки традиционный дубак. Из стянутого холодом рта выдыхается заметный парок. Пятой точкой начинаешь понимать, что такое настоящая российская зима. Хотя, под пассажирами, пускай и не новые, но все же кресла, обтянутые негнушимся дерматином, но холод дает о себе знать. Сиденья далеко не теплые. Все немногочисленные попутчики не снимают с себя шапок, перчаток, не расстегивают верхнюю одежду. Греются, таким образом, матеря про себя незадачливого водителя, у которого вечно сломана печка.

За промерзшими, напрочь заиндевевшими боковыми окнами ничего не видно. Денисов вытягивает шею, силится рассмотреть в водительское окно, где они сейчас проезжают. Автобус яростно трясет, качает из стороны в сторону. Тут что-то гроыхает сзади. Визг тормозов, и громкая брань водителя. Перемежая узбекские слова с русским матом, шофер вываливается на улицу.

Через незакрытую дверь ругань отдаляется. Вот уже слышно, как он кому-то звонит по мобильному телефону и чего-то там объясняет.

Пассажиров не так много, человек десять. Все они начинают недоуменно переглядываться между собой, кое-кто даже пытается расколупать пальцами толстый налет снега на окнах и рассмотреть уличный мрак. Один особенно нетерпеливый пассажир, средних лет мужчина в лохматой собачьей шапке, красном пуховике с черными от долгой носки локтей и с мученическим лицом неопохмелившегося слесаря-водопроводчика, выбирается наружу через переднюю дверь, впустив в салон пахнущую зимним лесом стужу. Стало слышно, как он о чем-то горячо спорит с водителем. Причем вворачивая в свою пламенную речь далеко не литературные обороты.

Народ внутри салона заметно занервничал, Денисов тоже недовольно покосился на свои ручные часы. Опаздывать на работу в его планы явно не входило. А что делать? Отвалился глушитель. Вот так просто взял, да и шлепнулся с треском и грохотом на промерзшее шоссе прямо во время движения. И еще там чего-то следом протекло. И произошло это в застывшем, засыпанном глубоким снегом, безжизненном лесу в каких-то пяти километрах от ближайшего населенного пункта.

Пассажиры, толкая друг друга, чертыхаясь, принялись спешно покидать сломавшийся транспорт. Денисов благоразумно остался внутри, подальше отодвинувшись от заледенелого окна. Справедливо решив, что стоять на пробирающем до костей холоде двадцать, а то и все тридцать минут в ожидании следующего автобуса, по крайней мере глупо. Здесь, явно на несколько градусов теплей. Ветра нет точно....

Через двадцать пять минут Денисов с трудом выдал свое изрядно помятое тело из переполненного авто-

буса на долгожданную остановку, что рядом с больницей. Столкнувшись невзначай взглядом с покрытыми с ног до головы густым инеем людьми, столпившимися под дверями, чуть повеселел. Цинично отметив про себя, что не только у него не задалось это утро. Замерзшим беднякам придется поработать негнушимися конечностями, чтоб уплотнить собой напряженных пассажиров.

Хорошенечко поднажав и рванув напрямик, через дырку в заборе, вспотевший Денисов успел на работу без пяти девять. Он не позволял, чтоб его ждали отпавшие свои непростые сутки коллеги. И сам не любил, когда задерживалась меняющая его смена.

— Иваныч, там тебя небольшой сюрприз дожидается, — невесело ухмыльнулся Сергей Фомич, ответственный хирург предыдущей смены, после традиционного обмена рукопожатиями.

— Люблю сюрпризы, — наигранно бодро ответил Денисов. — У меня почти на каждом дежурстве обязательно что-нибудь да сверхординарное приключится. Почитай, ни одна смена без сложного клинического случая или проблем с многочисленными родственниками пациентов не обходится. Что там на сей раз?

— Это точно, — устало вздохнул Сергей Фомич. — Только здесь не совсем по нашему профилю будет. Девушка двадцати трех лет словила «белочку», с характерной фамилией Наливкина.

— А мы тут причем?

— А притом. На еще предыдущем дежурстве приняли ее с алкогольным панкреатитом. Причем панкреатит такой — натянутый. Анализы спокойные, но накануне в больших количествах пила разного рода алкогольную дрянь типа «Отвертки», и после очередной баночки, то ли десятой, то ли двенадцатой, открылась рвота и животик заболел. Мы ее прокапали, проколо-

ли — боли прошли, рвота прекратилась. Теперь вот ей черти мерещатся. Сплавил ее в реанимацию с острым алкогольным делирием.

— Да-а-а, уж, — задумчиво протянул Денисов, неторопливо застегивая пуговицы на белом форменном халате, — всего двадцать три года. Кошмар! Не иначе, здесь какая-то аномальная зона, Вермутский треугольник: столько алкогольных и наркотических психозов в одном месте сразу еще не видал. На каждом дежурстве!

— Так, а чему удивляться. — Сергей Фомич нахмурился и посмотрел в окно, где едва забрезжил рассвет, а вместе с ним стали проступать очертания поросших лесом сопков, обступивших со всех сторон больницу. — Здесь же дачное изобилие, сплошь питерские фазенды. А чего еще на даче зимой делать? Или бухать, или колотьяся!

— Я думал, что на дачах отдыхают.

— Ага, отдыхают они! Это раньше, в старое время, отдыхали. Так сказать, культурно и с пользой проводили время! А сейчас... А, чего говорить. — Он устало махнул рукой и отвернулся от окна. — Как говорится: «Курить мы будем, но пить не бросим!». Ладно, давай, хорошего дежурства.

Проводив Сергея Фомича до дверей ординаторской, Денисов взял со стола истории болезни поступивших за сутки пациентов и, скоренько пролистав их, отправился на обход отделения. Собственно говоря, его должность ответственного хирурга была несколько завышена. Ведь в бригаде всего два хирурга: он, да Виталик Березов, что сейчас корпел в приемном покое, принимаемая поток страждущих. Один хирург в приемном покое, другой обходит отделение, реанимацию, смотрит поступивших пациентов. При необходимости оперирует. Такое вот, вкратце, разделение труда.

С одной стороны, все просто, а с другой — это как посмотреть. Больше всего не любил Денисов то время,

когда на отделение начинали впускать многочисленных родственников больных и пострадавших. СУР — так про себя он именовал эти злосчастные часы: синдром участливого родственника.

С 11-00 до 19-00 в выходные и праздничные дни на отделение пропускали практически всех желающих. Достаточно лишь назваться близким того или иного больного, находящегося на тот момент в хирургии или травматологии, и тебя тут же пропустят добродушные охранники. И вот вся эта публика, прямо в верхней одежде (гардероб не работает), нацепив (и то не всегда) на ноги бахилы, с тяжелыми сумарями, под завязку забитыми едой и питьем (зачастую весьма не безобидным), с шумом поднимается на этаж. И вскоре уже начинают выискивать дежурного врача. Не важно, сколько лежит их родич — пять минут, или пять дней. Все вопросы, угрозы и пожелания немедленно адресуются дежурному хирургу, вся вина которого лишь в том, что он в данный момент один врач на отделении.

— Послушайте, — устало разводит руками Денисов, заранее зная ответ, — ну почему бы вам не поинтересоваться состоянием своей мамы (тети, дяди, брата, свата) у лечащего врача, или заведующего отделения, тем более, что она (он) лежит тут уже пять (семь) дней?

— Но их же сегодня нет, а вы есть!

— Да, но они же поступили не в мое дежурство, а в будний день, когда все врачи были на местах.

— Но, мы не могли тогда приехать! Мы, знаете ли, на работе (учебе, черт его знает, где еще)! Вам что, трудно посмотреть их историю болезни, да?

Спорить, а уж тем более ругаться в таких случаях себе дороже. На этаже расположено сразу два отделения: хирургическое на пятьдесят пять коек и травматологическое на тридцать. Всего, выходит восемьдесят пять. Зачастую отделения переполнены: вход идут пристав-

ные кровати и топчаны. Сегодня, кстати, на двух отделениях уже находится девяносто человек. Врачи-травматологи, по непонятной причине, никогда здесь не дежурят. Их роль выполняют дежурные хирурги: принимают пострадавших и наблюдают пациентов на травматологическом отделении и, если есть, то еще и в реанимации.

Всех пациентов нужно Денисову обойти и осмотреть. Простая арифметика: если, хотя бы поверхностно, заняться изучением истории болезни по диагонали и кратким опросом-осмотром ее хозяина, то придется затратить самое малое минут десять. И то, если по минимуму. Итого на все про все уйдет порядка девяти-сот минут, или пятнадцать часов из двадцати четырех отведенных для дежурства. И это при учете, что никто не будет отвлекать и не придется никого оперировать. Странно, но отчего-то никому из родственников такой расклад в голову никак не придет.

Разумеется, Денисову не нужно тщательно вникать во все истории болезни и скрупулезно осматривать подряд всех пациентов на трех отделениях (в реанимации, самые тяжелые). Для этого существуют лечащие врачи, у которых, к слову сказать, по нормативу определено 12 человек на ставку. Ответственный же дежурный хирург уделяет внимание тем, кого оставили под наблюдением дежурные врачи предыдущих смен, лечащие врачи, кто поступил накануне и... кто пожалуется во время обхода.

Еще одна проблема — это перевязки в выходные и праздничные дни. Послеоперационные пациенты, безусловно, нуждаются в перевязках. В будни ими занимается специально выделенная перевязочная медсестра. В остальные дни, из-за острейшего кадрового дефицита, перевязки осуществляет дежурная операционная медсестра. Которой, помимо своей основной работы в операционной, еще «навесили» перевязки на отделе-

ниях, в реанимации и приемном покое. Да, там тоже развернута малая операционная, где хирург приемного покоя творит добро. Зачастую в гордом одиночестве, так как операционная медсестра не может разорваться на несколько частей. Ставка перевязочной медсестры приемного покоя в природе существует. Однако, на столь смехотворную зарплату желающих помочь дежурному хирургу пока не нашлось.

С присущим ему энтузиазмом отправившись на утренний обход, Денисов, традиционно, начал с первой палаты. Умело лавируя между плотными рядами кроватей, заправленными хоть и с дырками, но чистым бельем, он опытным взглядом безошибочно определял, кому конкретно нужна его помощь и перевязки. Местами, чтоб осмотреть пациентов, приходилось включать прикроватные ночники. Так как дневной свет еще не вошел в полную силу, а в большинстве палат лампы дневного освещения, прикрепленные на обшарпанном потолке, просто оказывались банально перегоревшими. Всего палат на этаже тринадцать — девять хирургии, четыре травмы. Поэтому меньше, чем через час, добрался он до двенадцатой. Тут его везение и закончилось.

— Вы сегодня дежурный хирург? — недовольным тоном справилась у него средних лет гражданка с какой-то немислимой прической «а-ля взрыв на макаронной фабрике», разметавшей кверху ее огненно-рыжие волосы, чуть только Денисов вышел из палаты номер одиннадцать.

— Я, а что вы хотели? Что-то срочное?

— Да, срочное. — Дама нарочно встала у него на пути, угрожающе выставив мощные перси. — Объясните мне, почему моя дочь до сих пор находится в реанимации?!

— Простите, сейчас закончу обход отделения и спущусь в реанимацию. Я пока там еще не был.

— Ха, странно, — подбоченилась дамочка, тряхнув эрегированными волосами, — а почему вы еще не обошли реанимацию?

— Позвольте мне самому решать, с чего начинать обход: с отделения или с реанимации, — нейтральным голосом ответил Денисов. — Я вам повторяю: мне еще две палаты нужно обойти. Как закончу, спущусь в реанимацию.

— Безобразие! — Лицо рыжеволосой особы перекосилось, словно она зажевала целый лимон. — У меня ребенок в тяжелом состоянии, а им всем наплевать! Я жаловаться буду!

— Как фамилия ребенка? — Денисов остановился и повернулся лицом к убитой горем матери.

— Наливкина! Ксюша Наливкина, мы еще вчера с панкреатитом поступили. Сказали, ничего страшного, а сейчас врач в реанимации говорит, что у нее психоз развился. Вам по смене должны были передать.

— Да, по смене мне передали. Я сам пока лично вашу дочь не видел, но по словам хирургов предыдущей смены у вашей дочери развился алкогольный психоз. Она злоупотребляет алкоголем? Раньше такое уже было?

— Что значит «злоупотребляет»? — Мамаша выпрямила голову и с негодованием полоснула собеседника испепеляющим взглядом. — Пьет, как и все!

— Пьет? — переспросил Денисов. — А, ничего, что ей всего двадцать три года?

— Это вас не касается!

— Хорошо, пускай так. Но раньше у вашей Ксюши уже случались психозы?

— Случались. Вот две недели назад мы уже лежали в наркологии. И там ее быстро из этого состояния вывели и поставили на ноги! А у вас что? Что, я спрашиваю?! Почему так долго выводят? Врачи называются!

— У нас не наркология, — сухо отрезал хирург. — И вас ни капельки не смущает, что ваша дочь всего через две недели после перенесенного алкогольного делирия, вновь в него входит?

— Чего? Какого дебирия? — нахмурила перекрашенные черным бровки мама Ксюши.

— Делирия, — поправил доктор. — Делирия, алкогольного психоза.

— Послушайте, я вам уже сказала, что это не ваше дело! Мы к вам попали с панкреатитом. Теперь у нее этот ваш дебирий. И вы не можете из него Ксюшеньку вывести. Это как называется?

— Это называется алкоголизм, — подытожил Денисов и, протиснувшись между бюстом пятого размера и стеной коридора, вошел наконец в двенадцатую палату.

Не успел он еще толком отбиться от Ксюшиной мамы, как последовала новая атака со стороны участливых родственников. Молодая стержовного вида особа нагнала его почти у самых дверей реанимации и, не давая опомниться, срывая голос, с ходу пошла в наступление:

— Вы же дежурный хирург, да? Вот и объясните, почему мой дедушка привязан к кровати? Это что за отношение к больному человеку? У вас тут гестапо или хирургическое отделение?

— Так, стоп! — Денисов поднял правую руку и жестом остановил девушку. — Вы ничего не перепутали? Как фамилия дедушки, и из какой он палаты?

— Валюшин! Александр Федотович Валюшин. Он в шестой палате лежит. У него что-то с ногами.

— Ва-а-алюшин из ше-е-естой. — Растягивая слова, чтоб затянуть время, Денисов вдруг вспомнил того неугомонного дедушку с переломом шейки бедра, что ночью пытался встать с кровати и сигануть в окно. Старческий психоз, будь он не ладен. Пришлось дедушку зафиксировать, примотать старыми простынями к кровати. Иначе

бы натворил делов пенсионер. — Да, есть такой. Предыдущая смена таким образом спасла ему жизнь. Иначе бы он встал с кровати, перелом мог сместиться. И, насколько я знаю, он собирался вылезти в окно.

— Вы сейчас это вполне серьезно? — Дамочка полезла в сумочку, долго рылась и извлекла на свет божий навороченный фотоаппарат и навела объектив на Денисова. — Я сейчас вас буду снимать! Ответьте, почему вы привязали моего дедушку Александра Федотовича Валюшина к кровати своими дурацкими простынями.

— Во-первых, я уже вам все объяснил — вашего дедушку никуда не привязывал. Его уже до меня привязали. Во-вторых, это обычная практика в медицинских учреждениях: фиксировать неадекватных пациентов. У вашего дедушки, повторюсь, к сожалению, развился синильный психоз. Он, мягко говоря, не совсем критично относится к своему состоянию. И, в-третьих, если вы не перестанете меня снимать, то я прекращу с вами разговаривать.

— А-а-а, — взвилась дамочка, — вы боитесь отвечать за свои гестаповские методы?

— А вот это уже оскорбление врача при исполнении, — ответил Денисов и быстро извлек из кармана халата свой мобильный телефон довольно простенькой модели. И, хотя в нем не было камеры, он все равно направил на дамочку аппарат и сделал вид, что тоже ее с удовольствием снимает. — Так какие говорите у нас методы?

— Ладно, поговорим по-другому, — сверкнула белками глаз девица и, убрав фотоаппарат, принялась кому-то наяривать по мобильнику. — С вами хотят пообщаться, — зло протянула она трубку задумавшемуся Денисову.

— Представьте! — потребовала трубка грозным мужским басом.

— Дежурный хирург, — без тени смущения ответил Денисов.

— Я — сын Александра Федотовича Валюшина — Валюшин Роберт Александрович. Я живу в Москве, работаю в столичной мэрии. Представьтесь, кто вы, и что за глумление происходит с моим отцом у вас на отделении.

— Если вы чиновник, да еще такого уровня, то вам должно быть хорошо известно, что на основании федерального закона за номером 323 об основах здоровья граждан...

— Ах, вот оно что, — грубо перебил его речь срывающийся на визг голос из далекой Москвы. — Вы еще и грубите мне. Я еще раз прошу вас представиться и сообщить, что происходит с моим отцом. И учтите, весь наш разговор записывается. В противном случае это ваш последний рабочий день! Я вам устрою райскую жизнь! Слышите меня?! Я не привык, чтоб...

— Мне некогда слушать весь этот бред, — демонстративно зевнул Денисов, едва прикрыв рот ладонью, и передал мобильник назад его хозяйке. Из трубки все еще неслись откровенные угрозы и цензурная брань.

— Извините, доктор, — уже более миролюбивым тоном захлопала глазами внучка Валюшина, — вы не сердитесь на нас. Просто так получилось, что мы в Москве живем, а дедушка здесь. Скажите, пожалуйста, что с ним происходит? Я когда его видела в последний раз, он был абсолютно нормальным человеком. — Она чуть улыбнулась, и Денисов отметил про себя, что она, пожалуй, и не такая стерва, какой хочет казаться.

— Вы когда, простите, последний раз своего дедушку видели? — Денисов отпустил ручку двери, ведущей в реанимацию и повернулся к собеседнице лицом.

— Ну-у, — замялась девушка, — не помню точно. Кажется, летом. Да, в конце августа мы приезжали к нему на дачу. У него тут дача рядом. На ней он и упал.